

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-191-203-209
УДК 94 (470) «1914/1918»:314045

«Государственное», «общественное» и «частное» в практике материальной поддержки мигрантов в годы Первой мировой войны

Елена Владимировна НИКОЛАЕВА

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»
241036, Российская Федерация, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6223-3086>, e-mail: lena-maschnowa@mail.ru

“State”, “public” and “private” in the practice of financial support of migrants during the First World War

Elena V. NIKOLAEVA

Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University
14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6223-3086>, e-mail: lena-maschnowa@mail.ru

Аннотация. На одном из эпизодов периода Первой мировой войны раскрыта проблема финансового обеспечения жителей прифронтовых территорий, которые вследствие добровольного бегства из-за военных действий оказались во внутренних губерниях Российской империи. Неоднородность беженской волны, включавшей в себя различные категории мигрантов, приводила к тому, что государственная помощь распределялась зачастую неодинаково, порождая стремление у определенной категории беженцев извлечь при равенстве условий, установленных законом, максимальную выгоду из предоставляемых субсидий. Многочисленность организаций, обеспечивавших помощь населению, покинувшему места своего постоянного проживания, дублирование ими функций создавали дополнительные возможности для такого рода действий. Результатом являлось появление многочисленных конфликтов и поиск компромиссов в условиях ситуации неравномерности государственной поддержки, что в свою очередь порождало недовольство и неверие в справедливость осуществляемых мер.

Ключевые слова: Первая мировая война; мигранты; беженцы; национальные организации

Для цитирования: Николаева Е.В. «Государственное», «общественное» и «частное» в практике материальной поддержки мигрантов в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 191. С. 203-209. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-191-203-209

Abstract. We address one of the episodes of the First World War revealing the problem of financial support of the residents of frontline territories who found themselves in the inner governorates of the Russian Empire due to their voluntary flight. The refugee wave was heterogeneous, it included different categories of migrants, which led to the fact that the government aid was often distributed in an uneven manner. It caused the desire on the part of some refugees to derive maximum value from the grants provided under equal conditions established by law. Additional opportunities for such actions were created by a large number of organizations that provided assistance to people who had left their homes and an overlap of their functions. It resulted in the emergence of numerous conflicts and the search for compromises in the context of uneven state support, which in its turn generated discontent and disbelief in the justice of the existing measures.

Keywords: the First World War; migrants; refugees; national organizations

For citation: Nikolaeva E.V. «Gosudarstvennoye», «obshchestvennoye» i «chastnoye» v praktike material'noy podderzhki migrantov v gody Pervoy mirovoy voyny [“State”, “public” and “private”

in the practice of financial support of migrants during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 191, pp. 203-209. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-191-203-209 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В условиях наступления неприятеля весной 1915 г. и занятия им приграничных территорий стал нарастать поток жителей Российской империи, перемещавшихся во внутренние губернии из Галиции, Холмской, Волынской, Подольской, Курляндской, Ковенской, Гродненской губерний и из Царства Польского. Вслед за еврейским населением и немцами-колонистами, выселявшимися по распоряжению военных властей по подозрению в их потенциальной неблагонадежности, состав широкого движения пополнили представители других национальностей, населявших эти области.

В деле осуществления помощи беженцам сложилась своя структура организаций, в которой главное место принадлежало созданному по инициативе правительства «Комитету Ее Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий» (14 сентября 1914 г. – февраль 1917 г.). Среди лидеров по объему оказанной помощи находились также Всероссийские союзы земской и городской помощи больным и раненым воинам, Российское общество Красного Креста. В стране также были созданы национальные организации, разбросанные по тем регионам, в которых оказались в результате массового движения людских потоков определенные этнокультурные группы (польский, еврейский, эстонский, литовский, латышский). Существовал целый ряд других как специально созданных для этого обществ и комитетов, так и ранее образованных для оказания благотворительной помощи общественных организаций [1; 2].

По мере нарастания числа переселенцев возрастало и число проблем, которые необходимо было решать в условиях военного времени: управление передвижением, трудоустройством, снабжением в период движения масс людей и устройством их на новых местах, оказание медицинской помощи, организация обучения детей и т. д. Такие масштабные вопросы могли быть решаемы только при активном мобилизующем участии пра-

вительства, способном организовать российское общество на обеспечение нужд обороны страны. Вопросы, связанные с обеспечением беженцев, постепенно стали занимать все более заметное место в числе неотложных государственных мер.

Для России первый опыт начала войны, связанный с эвакуацией населения, показал, что наиболее проблемным являлось не выселение жителей с территорий, оказавшихся под угрозой военных действий, а прием и размещение людей, устремившихся в более спокойные в военном отношении местности. Более того, в определенных ситуациях даже эти проблемы отодвигались на задний план, поскольку значительная масса населения страны, находившейся в состоянии войны, не только оказалась выключенной из производственного процесса и не работала на мобилизацию необходимых ресурсов, но и сама нуждалась в материальной поддержке со стороны государства. «Имеющаяся в распоряжении исследователей общенациональная статистика неизбежно носит оценочный характер и позволяет очертить лишь примерные масштабы беженства, которое могло затронуть от 5 до 15 млн человек, превратившись в один из факторов нарастающего социально-экономического и политического кризиса в стране» [3, с. 103].

В этой ситуации ключевая роль отводилась необходимости координации общественных сил, способных решать эти проблемы. Важное место занимала также способность государства организовать помощь таким образом, чтобы снять неминуемо нарастающее социальное напряжение. Разнообразие принимавших участие в этом деле организаций, с одной стороны, обеспечивало возможность соблюдения адресной помощи нуждающимся, а с другой – создавало условия для дублирования осуществляемых мер, толкало на злоупотребления.

Можно согласиться с утверждением Н.В. Суржиковой относительно практик взаимодействия структур и индивидов, порожденных беженством, которые, по ее определению, «остаются малоисследованными,

что не позволяет адекватно оценить место беженской проблемы в жизни российского общества и определить ее роль в скатывании России к системным трансформациям 1917 г.» [4, с. 122].

Многообразие комитетов и союзов, деятельность которых строилась на различных основаниях, подчинявшихся разнообразным объективным и субъективным обстоятельствам, порождало специфику их отношений с населением, нуждавшемся в помощи, усугубляло ситуацию неравномерности ее оказания. Очевидцы событий, связанных с массовым передвижением людских потоков вглубь страны, отмечали неоднородность этой массы, выделяя среди нее ярко выраженные психологические типы, порожденные сложившимися обстоятельствами. Одна из таких характеристик, свидетельствовавших о сложности развития новых социокультурных явлений, сводилась к выделению современниками следующих представителей среди массы беженцев: «Преобладают люди нервноутомленные и совершенно безразлично относящиеся к своему положению. Менее значительная часть беженцев представляет тип озлобленных недовольных людей, неохотно принимающих оказываемую помощь, и, наконец, третья категория беженцев – это люди, всячески старающиеся усилить впечатление испытываемой ими нужды, и стремящиеся на этом основании использовать возможно выгоднее для себя все виды оказываемой им помощи»¹. Формирование подобных настроений зачастую было связано с возникшими в годы войны организациями, свидетельствовавшими, с одной стороны, о массовом включении в процесс оказания помощи населения России, о появлении ростков гражданского общества, а с другой – о слабой координации происходивших процессов со стороны государственных органов, дававших возможность использования различных форм помощи тем, кто в ней не испытывал острую нужду. Представленный материал исследования не претендует на большую степень обобщения, но является иллюстрацией такого рода явления.

В прифронтовых районах возникла весьма своеобразная ситуация: их покидало мир-

ное коренное население, а сюда прибывали жители из мест, уже охваченных войной. Например, беженцы из Царства Польского направлялись в Киевскую губернию и оставались там, чтобы находиться поближе к своим родным землям с надеждой на будущее возвращение. На декабрь 1915 г. в Киевской губернии было зарегистрировано около 60 тыс. беженцев-поляков².

В результате в городе, представлявшем на определенном этапе войны своеобразный центр беженства, действовало несколько организаций как общероссийского, так и местного масштаба. Применительно к польскому населению это был Центральный обывательский (гражданский) комитет царства польского в Петрограде, который был учрежден под председательством помощника варшавского генерал-губернатора, сенатора Дмитрия Николаевича Любимова. Организация была призвана оказывать помощь пострадавшему от войны населению губерний Царства Польского и после эвакуации Варшавы обрела новое место нахождения в Петрограде. Комитет в непосредственной близости от театра военных действий координировал свою деятельность с главноуполномоченными правительства по устройству беженцев и следовал их распоряжениям, а вне фронта подчинялся руководству особого отделения Министерства внутренних дел, оказывая помощь в передвижении, размещении и устройстве быта на новых местах жителей из польских губерний.

С октября 1915 г. под контролем Комитета находился так называемый Юго-Западный район, включавший Подольскую, Волынскую, Киевскую, Херсонскую и Бессарабскую губернии, куда прибывали все более многочисленные толпы изгнанников из Царства Польского. Одновременно в Киеве функционировали Киевское отделение петроградского общества несения помощи жертвам войны и Польский львовский вспомогательный комитет. Все три организации стали участниками рассматриваемого эпизода.

В отделение Центрального обывательского комитета в городе Киеве 11 января 1916 г. поступила просьба от 50-летнего инженера, «присяжного переводчика в суде» и

¹ Беженцы (из Пскова) // РГИА (Российский государственный исторический архив). 1915. Ф. 778. Оп. 2. Д. 307. Л. 6. 14 авг.

² Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 63. S. 26.

бывшего львовского военного цензора Брунона Филипповича Филиповского. Просьба касалась выдачи просителю беспроцентной ссуды в сумме 100 руб. В качестве обоснования причин обращения в Комитет отмечалось, что Б. Филиповский с женой и двумя детьми приехали в Киев из Петрограда «по случайным обстоятельствам» и поскольку он не в состоянии был до 15 февраля принять порученную ему должность, обратился за ссудой. В качестве весомой причины отмечалось, что с 1 августа 1915 г. проситель принял российское подданство³.

На первом заседании Комитета, состоявшемся 19 января 1916 г., просьба о ссуде не была удовлетворена из-за отсутствия подтверждения семейного и материального положения просителя. Вскоре необходимые сведения были предоставлены. Из них следовало, что Б. Филиповский постоянно проживал в Варшаве, позднее оказался во Львове, затем в Петрограде и, наконец, в Киеве. Причины оставления Родины – «опасность жизни при вторжении неприятеля». Семья состояла из самого просителя с женой, дочери 18 лет, сына 20 лет, обучавшегося в юнкерском военном училище в Петрограде, и еще одного сына – гимназиста Киевской гимназии⁴. Поскольку автор прошения старался отразить в своих сведениях наиболее «выигрышные» моменты, мы можем судить о том, что могло играть положительную роль в деле решения проблемы получения материальной помощи. В данном случае это было уже упомянутое российское подданство, а также преследование со стороны австрийских властей, послужившее причиной передвижения семьи вглубь страны, обучение одного из сыновей в российском военном учебном заведении.

Положение Совета министров «Об оказании ссудной помощи пострадавшему от военных действий населению губерний Царства Польского и прилегающих местностей» от 28 февраля 1915 г. предусматривало выдачу ссуды сроком до пяти лет, а в исключительных случаях – до 10 лет. В официальном документе были представлены различные случаи, предусматривавшие материальное удовлетворение просителей. К нашей ситуа-

ции, пожалуй, подходил только пункт восемнадцатый, в соответствии с которым ходатайство о выдаче ссуд подавалось в уездную комиссию, обращающую особое внимание «на соответствие их действительному имущественному положению просителей, их нужде в ссудной помощи, платежеспособности и степени благонадежности представленных ими обеспечений»⁵. Вероятно, полученные Комитетом сведения, свидетельствующие о легкости, с которой семья Б. Филиповского перемещалась из одного города в другой, поставили под сомнение возможность последующего возмещения предполагаемой ссуды, и в очередном заседании, состоявшемся уже 25 января 1916 г., просителю было отказано во второй раз.

Однако это обстоятельство, судя по всему, не смутило Б. Филиповского, и он вновь запросил ссуду, теперь уже в размере 200 руб., приложив к своему прошению удостоверение из канцелярии военного генерал-губернатора Галиции, в котором было сказано, что Б. Филиповский известен как человек неимущий, семейный (сын в русской армии) и благонамеренный, и что все его имущество осталось во Львове⁶. Последовало и объяснение просителем необходимой суммы: на покупку платья и устройство 2-х комнат для семьи.

Несмотря на конкретность условий, обозначенных в Положении о возможной государственной ссуде, сложность большого количества ситуаций, сопровождавших движение беженцев, заставляла соответствующие комиссии уделять внимание обстоятельствам, вынуждавшим обращаться за помощью. Вероятно, «человеческий фактор» играл если не ключевую роль в этих вопросах, то, по крайней мере, вполне определенную. Во всяком случае, в начале марта 1916 г. из Киевского отделения общества помощи бедным семьям, пострадавшим от войны, а также польскому населению, обедневшему от военных действий, в Центральный обывательский комитет было направлено свидетельство о том, что в январе 1916 г. Б.Ф. Филиповский обратился в организацию с просьбой о выда-

³ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 10.

⁴ Ibid. S. 11.

⁵ Законы и распоряжения о беженцах. Издание второе, значительно дополненное. К выпускам первый. М., 1916. Вып. 1. С. 28.

⁶ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 14.

че ссуды. В первый раз он обращался 2 июня 1915 г. и получил ссуду в сумме 25 руб., затем 21 августа 1915 г. и получил бесплатную квартиру, но затем на продолжительное время уехал. С 4 января 1916 г. Б. Филиповский получал от организации 4 бесплатных обеда и ссуду 35 руб. в месяц⁷.

В этом месте, вероятно, необходимо дать пояснения относительно размеров выданной в данном случае и предполагаемой помощи. В соответствии с пунктом 22 «Руководящих положений по устройству беженцев», утвержденных министром внутренних дел А.Н. Хвостовым 2 марта 1916 г., «Размер беженского продовольственного пайка, в зависимости от местных цен и условий, устанавливается Губернским (областным) совещанием от 15 до 20 коп. в день на человека. Увеличение размера пайка свыше 20 коп., при наличии исключительных условий, подробно указываемых в объяснительных записках к сметам, допускается лишь с разрешения министра внутренних дел, по предварительном обсуждении дела в Особом совещании по устройству беженцев»⁸. Таким образом, месячное пособие на человека составляло от 4 руб. 50 коп. до 6 руб. В случае с семьей Филиповских его размер мог быть максимум 24 руб.

Между тем история, произошедшая в Киеве, имела свое продолжение. Из полученных сведений от Центрального обывательского комитета Царства Польского в Петрограде следовало, что Б. Филиповский получил 14 ноября 1915 г. 100 руб., 12 декабря 1915 г. – 50 руб. и 16 декабря 1915 г. – 50 руб. Итого, будучи в Петрограде, он получил денег на общую сумму в 200 руб.⁹ Польский львовский вспомогательный комитет 10 февраля 1916 г. обратился в Центральный обывательский комитет с информацией, что Б. Филиповский явился в Комитет в качестве галичанина и получил от него 8 января ссуду 120 руб. и 3 февраля – 150 руб.¹⁰

⁷ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 15.

⁸ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 475об.

⁹ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 16.

¹⁰ Ibid. S. 21.

Однако в своем очередном обращении 3 февраля 1916 г. соискатель новой ссуды продолжал приводить новые доводы к удовлетворению своих запросов, уже не только подтверждая свое российское гражданство, но и заявляя о том, что получил сильные травмы от «автомобиля русского Красного Креста», в результате чего было сломано три ребра и «поражено все тело»: «Случай этот влечет за собой невозможность заняться трудом и расходы на лечение»¹¹. На основании приведенного обстоятельства в Центральный обывательский комитет была направлена просьба о выделении ссуды теперь уже в размере трехсот рублей.

По поводу возможного лечения также существовало соответствующее указание, принятое на правительственном уровне. Пункт 25 «Руководящих положений по устройству беженцев» гласил: «Беженцы пользуются бесплатной медицинской помощью от земств и городов, на общих основаниях с местным населением. Если оказание беженцам врачебно-санитарной помощи вызывает особые расходы, то на покрытие последних отпускаются средства из беженских кредитов»¹².

Только 11 февраля 1916 г., наконец, были сведены воедино все суммы, полученные Б. Филиповским в различных организациях. В документе Киевского отделения общества помощи бедным семьям, пострадавшим от войны, было сказано: «По собранным нами справкам оказалось, что Вы получаете ежемесячно 35 руб. и обеды бесплатные для четырех лиц в Киевском отделении петроградского общества. Кроме того, от Центрального обывательского комитета Царства Польского в Петрограде – 200 руб. и, наконец, от Польского львовского вспомогательного комитета – 270 руб. Одновременное пользование денежными пособиями в нескольких общественных организациях считается недопустимым и приносит вред лицам, пользующимся общественным попечением»¹³.

Однако на этом история не закончилась. В газете «Киев» от 3 марта 1916 г. появилось письмо в редакцию, автором которого был

¹¹ Ibid. S. 19.

¹² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 476.

¹³ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 22.

все тот же Б. Филиповский, подтвердивший все полученные от Комитета суммы: «За все время моего пребывания в Киеве с моей супругой и двумя детьми, то есть за 9 месяцев, я получил сто обедов в половинных порциях и ссуду 95 руб., а от Львовского комитета 270 руб. под вексель и залог причитающихся мне от австрийского правительства 9600 крон»¹⁴.

Заметка помогает выяснить характер обеспечения требуемых ссуд. Во-первых, причитающиеся от австрийского правительства, воевавшего на тот момент против России, деньги вряд ли можно было востребовать. Во-вторых, Австро-Венгрия на тот момент испытывала серьезные финансовые трудности, проявившиеся в том, что производители практически перестали интересоваться денежной выручкой и начали активно переходить на осуществление бартерных операций. Иными словами, такого рода «обеспеченность» ссуды не позволяла надеяться не только на скорое, но на вообще возвращение денег, выданных под такой залог.

Наконец, возмущение автора письма в редакцию вызывало якобы то, что многие «зарабатывают от 120 и 150 руб. в месяц, развлекаются по кофейням, ожидают германцев в Киеве и получают пособия и обеды из польских комитетов»¹⁵. Далее следовал перечень из десяти фамилий иностранных подданных (за исключением двоих) и вывод: «На основании всего изложенного осмеливаюсь всепокорнейше просить не отказать мне в совете, каким образом я могу добиться ссуды от Центрального обывательского комитета в сумме 300 руб., я с моей семьей страдаю от голода и холода»¹⁶.

¹⁴ Письмо в редакцию // Киев. 1916. № 772. 3 марта.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

В Киевском комитете была рассмотрена заметка в газете и сделан вывод о том, что перечисленные Б. Филиповским лица «совершенно никаких пособий от Комитета не получали, за исключением Папроцкого, имени которого, к сожалению, господин Филиповский не указал, так как действительно Папроцкий, именем Людовик, обратился в Комитет 23 февраля 1916 г. с просьбой о назначении ему пособия, которое было Папроцкому Комитетом выдано в размере 50 руб.»¹⁷

Рассмотренный эпизод не был типичным с точки зрения психологических изысков просителя, но в то же время не являлся уникальным по сути своих претензий на извлечение максимальной выгоды из предполагаемой помощи от государства. Так, в статье И.В. Алферовой приведен эпизод, в соответствии с которым беженцы, поселившиеся в районе города Орла, «пользуясь тем, что в Покровской Слободе земли города и уезда располагались чересполосицей, <...> пытались получать пайки сразу в обоих – уездном и городском комитетах» [5, с. 13]. Одновременно существовали ситуации, при которых проживавшие в пригородных слободах Орла и в деревне Костомаровка жаловались, что они не получали продовольственный паек ни из городского, ни из уездного комитетов. В другом документе, представляющем собой прошение от одного из беженцев, говорится: «Все время я получал пособие на 5 душ, 5 месяцев не получаю, только одного не знаю, по какому распоряжению как раньше я получал»¹⁸.

¹⁷ Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 62. S. 23.

¹⁸ Ibid. Syg. 63. S. 110.

Список литературы

1. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призвание в России XIX – начала XX в.: институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 164-217.
2. Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.
3. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95-105.

4. Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). С. 122-133.
5. Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 9-16. DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-03-9-16

References

1. Ulyanova G.N. Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoye prizreniye v Rossii XIX – nachala XX v.: institut-sional'noye razvitiye v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva [Charity and public charity in Russia in the 19th – early 20th centuries: institutional development in the context of the formation of civil society]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], 2000, no. 2, pp. 164-217. (In Russian).
2. Tsovyan D.G. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsiy po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of State Bodies and Public Organizations to Provide Assistance to Refugees During the First World War. 1914–1917. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005, 24 p. (In Russian).
3. Mikhalev N.A., Pyankov S.A. Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossiyskoy imperii: chislennost', razmeshcheniye, sostav [Refugees of the First World War in the Russian Empire: number, distribution, composition]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*, 2015, no. 4 (49), pp. 95-105. (In Russian).
4. Surzhikova N.V. Problema bezhentsev v konfliktakh i kompromissakh vlastey i obshchestvennosti Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam periodicheskoy pechati) [The problem of refugees in conflicts and compromises between the authorities and the public of Russia during the First World War (based on materials from periodicals)]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm State University], 2016, no. 1 (32), pp. 122-133. (In Russian).
5. Alferova I.V. Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny: problemy akkomodatsii (na materialakh Orlovskoy gubernii) [Refugees of the First World War: problems of accommodation (on the materials of Orel Governorate)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*, 2018, no. 3 (37), pp. 9-16. DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-03-9-16. (In Russian).

Информация об авторе

Николаева Елена Владимировна, аспирант, кафедры Отечественной истории, начальник отдела международных связей и сотрудничества. Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация. E-mail: lena-maschnowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6223-3086>

Поступила в редакцию 29.01.2021 г.
Поступила после рецензирования 26.02.2021 г.
Принята к публикации 26.03.2021 г.

Information about the author

Elena V. Nikolaeva, Post-Graduate Student, National History Department, Head of International Relations and Cooperation Department. Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Bryansk, Russian Federation. E-mail: lena-maschnowa@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6223-3086>

Received 29 January 2021
Reviewed 26 February 2021
Accepted for press 26 March 2021